

— Пусты меня! Смейся касаться меня!

— Не смею? — Лицо Сяо Юя окаменело. — Слишком искусно играешь, становится фальшиво!

В его глазах вспыхнула дикая злоба, а руки действовали без малейшей жалости: он грубо сорвал собственный пояс и протиснулся между его ног. Заметив, однако, покрасневшие уголки глаз Гу Цзюэ и его влажные веки, он стиснул зубы и другой рукой с еще большим нажимом развел его ноги шире.

— Разве ты не этого хотел?!

Слова Сяо Юя прозвучали для Гу Цзюэ подобно грому среди ясного неба. Он полностью остолбенел. Раньше он вовсе не противился близости с Сяо Юем — разумеется, он не мог противиться столь интимным вещам. Какое-то время он даже страстно ждал, когда Сяо Юй придет к нему. Юношеское сердце было полно весенних надежд: он одновременно и стыдился своего тела, и находил это прекрасным. Если бы он терял сознание от каждого прикосновения, Сяо Юй не получил бы ни капли удовольствия, даже сумев сдержаться.

Но теперь, с дрожащими губами, он слышал лишь эхо слов Сяо Юя: Разве ты не этого хотел? Выходит, в глазах императора ему было нужно только это?

Неудивительно, что тот поставил его в один ряд с продажными мальчишками-слугами. Значит, в его сердце он и впрямь ничем от них не отличался?

На мгновение Гу Цзюэ заledenел. Сяо Юй, стиснув зубы и чувствуя эту окаменелость, лишь с большей силой втиснулся внутрь. Лицо Гу Цзюэ исказилось от боли; эта вспышка вернула его к реальности, а за ней последовало еще более яростное сопротивление:

— Уйди! Уйди! Сяо Юй, проваливай! Не трогай меня!

Этот голос раздражал. Лицо Сяо Юя помрачнело, он тяжело хмыкнул и, отпустив руку, державшую Гу Цзюэ за горло, перехватил его за затылок.

Эта поза!

Он собирается поцеловать его?!

Гу Цзюэ в этот миг забыл о боли и забился всем телом:

— Не надо! Не целуй меня!

Лицо Сяо Юя почернело окончательно. Он что же, теперь ненавидит его поцелуи? Невозможно!

— Что? Опять ломаешься? — Он прекрасно помнил, что в постели Гу Цзюэ больше всего любил увиваться за ним и выпрашивать поцелуи.

Глаза Гу Цзюэ наполнились слезами от боли, и он закричал невпопад:

— Нельзя, я болен, нельзя...

Он знал о своей чахотке. В обычные дни говорить еще было можно, но целоваться категорически запрещалось — он же заразит его! Нельзя целоваться!

Сяо Юй холодно усмехнулся:

— Ишь какую отговорку выдумал! Болен? По мне так ты чертовски здоров!

Его раздражение от этого сопротивления лишь росло, и слова звучали все свирепее:

— Раньше мне не нравилось, что твои стоны в постели лишены женской нежности, потому я и целовал тебя, запрещая издавать звуки. Теперь же, раз ты сам зажимаешь себе рот и молчишь, мне будет только меньше хлопот.

Губы Гу Цзюэ задрожали. Выходит, раньше он целовал его в постели лишь потому, что ему не нравилось, когда тот издавал звуки?

004 Ты — тот самый фаворит Его Величества

Сердце кольнуло так сильно, что юноша едва не свернулся калачом от боли, но Сяо Юй прижал его к постели, не позволяя шевельнуться.

Затем у Гу Цзюэ уже не осталось сил думать о чем-то другом: Сяо Юй принялся действовать жестко и беспощадно.

В комнате воцарилась удушливая, порочная атмосфера. Стоны боли и прерывистое дыхание перемежались с приглушенными приступами кашля, и лишь спустя долгое время всё постепенно стихло.

Мог ли его нынешний организм выдержать столь бурную страсть? Когда Сяо Юй закончил, спина Гу Цзюэ от боли была насквозь мокрой от холодного пота, а румяна, что он нанес на губы перед этим, давно размазались по рукам Сяо Юя. Сейчас его тело била мелкая дрожь.

Освобожденное тело валялось на кровати словно изорванная тряпка. Ноги едва сходились — он был не в силах даже сомкнуть их. Гу Цзюэ не мог вдохнуть полной грудью, его грудная клетка тяжело вздымалась. Лишь он сам слышал этот хриплый звук, доносившийся из груди, похожий на прохудившийся мех кузнечного горна. Звук этот звучал как шепот демона, возвещающий о том, что жить ему осталось недолго.

— Ха-ха-ха-ха. — Боль в сердце Гу Цзюэ достигла предела: он даже плакать не мог и вместо этого рассмеялся — безумно и жалко.

Сяо Юй слушал его смех, поджав губы. В отличие от жалкого, растерзанного вида Гу Цзюэ, сам он по-прежнему выглядел безупречно в своих парадных одеждах. Он оставался все тем же возвышенным правителем. С суровым лицом глядя на этот жуткий смех Гу Цзюэ, Сяо Юй зловеще блеснул глазами и холодно бросил напоследок:

— Раз ты человек императора, то даже умерев, изволь сгнить во дворце.

С этими словами он развернулся и ушел.

— Кха!

Изо рта фонтаном хлынула алая кровь. Тяжело и часто дыша, Гу Цзюэ устался на кровавые пятна на простыне, в глазах у него потемнело, и он потерял сознание.

Гу Цзюэ видел странные, причудливые сны. Вот он — избалованный любимец в детские годы, преуспевающий юноша, а затем — встреча с Сяо Юем, дворец и тянущиеся дни до самого конца. Напоследок он увидел собственную мертвую тушку, на которую Сяо Юй бросил равнодушный взгляд и бросил: «Просто сожгите. Из-за такой чепухи еще меня беспокоить».

Этот леденящий душу взгляд вырвал Гу Цзюэ из забытья. Едва придя в себя, он, должно быть, слишком резко вдохнул воздух, и его снова скрутил приступ кашля. Кашель растеребил недавние раны внизу живота, и от пронзительной боли на лбу вновь выступил холодный пот. Кое-как справившись с приступом, он огляделся и оценил свое положение.

Его тело кто-то уже привел в порядок: пусть в паху и было неприятно, но, судя по всему, раны смазали мазью. Вокруг стояла мертвая тишина. Если бы не боль в теле, нынешняя картина ничем не отличалась от того, что было раньше.

Ничем не отличалась?

Нет, он больше не хотел так жить! День за днем одно и то же — он больше не желал этого терпеть!

Ни с чем не сравнимая решимость захлестнула его целиком. Неужели он собирается и дальше,

как эти последние семь месяцев, изо дня в день смотреть на закат из окна и тихо ждать своей смерти в четырех стенах?

Преодолевая боль в паху, Гу Цзюэ с трудом поднялся с постели и подошел к зеркалу. Лицо его было белым как у призрака. Вскоре его взгляд упал на лежащие рядом ножницы. Самые обычные ножницы, к которым была привязана красная шелковая нить. Посмотрев на них пару мгновений, Гу Цзюэ протянул руку.

Его пальцы слегка дрожали, но стоило ему сжать рукоять ножниц, как дрожь внезапно пропала. В следующее мгновение он поднял их.

Повернув голову, он окинул взглядом знакомую комнату и задержал глаза на той самой кровати. Совсем недавно Сяо Юй силой овладел им именно здесь.

Он назвал его змеей ядовитой, сравнил с блудливой мальчишкой и заявил, что даже умереть ему позволено лишь в стенах дворца.

Все эти картины стояли перед глазами.

Гу Цзюэ закрыл глаза, заставляя себя не смотреть по сторонам: находиться в этой комнате было невыносимо, воздух казался спертым.

Он не останется здесь. Он выберется наружу — даже если суждено умереть, он не хочет умирать в этом месте. Верно, дерево османтуса...

Гу Цзюэ внезапно вспомнил про османтус. Ему не нравилось во дворце абсолютно ничего, кроме того дерева. В последнее время цветы распустились, и, вдыхая их аромат, он словно возвращался в те далекие годы.

Стиснув губы, Гу Цзюэ вспомнил, что все еще находится под арестом и покидать покои ему запрещено. Однако он знал, что на западе есть небольшая калитка: если ускользнуть через нее, никто ничего не заметит. Последние семь месяцев он вел себя тихо и послушно, никуда не рвался и не устраивал скандалов, поэтому стража наверняка решила, что он смирился, а значит, бдительность их была ослаблена.

Рассудив так, Гу Цзюэ спрятал ножницы за пазуху и с абсолютно бесстрастным лицом вышел из комнаты.

В западной части Дворца Чжаоян имелась боковая дверь. Гу Цзюэ продвигался предельно осторожно. Добравшись до места, он убедился, что вокруг ни души. Выбравшись наружу, он аккуратно притворил створку за собой. Общая планировка дворца оставалась неизменной, и он прекрасно знал дорогу. Обойдя парадный вход Дворца Чжаоян, где дежурила стража, Гу Цзюэ свернул в сторону Императорского сада, расположенного неподалеку.

Чем ближе он подходил, тем гуще становился сладкий аромат османтуса. На мгновение Гу Цзюэ даже испытал нечто вроде радости: ему показалось, будто он вновь вернулся в те беззаботные времена. Но холодный металл ножниц, упирившийся в грудь изнутри, тут же вернул его к суровой реальности, напоминая, что все это лишь иллюзия.

Вскоре Гу Цзюэ увидел первое дерево османтуса.

Деревья в саду были ухоженными, и это оказалось на редкость пышным. Вся крона утопала в ярких цветах, а у подножия ствола лежал целый ковер осыпавшихся лепестков. Медленно подойдя ближе, Гу Цзюэ кончиками пальцев осторожно коснулся соцветий, и на его лице впервые за долгое время мелькнула слабая улыбка.

Из-за долгой ходьбы ноющая боль внизу живота усилилась, но теперь, когда цель была достигнута и дерево оказалось перед глазами, идти дальше не хотелось. Он опустился прямо на землю под раскидистым османтусом.

Погода стояла чудесная. Небо было пронзительно-синим, по нему плыли редкие белые облака, легкий ветерок приятно ласкал лицо, а ноздри улавливали тонкий цветочный дух. Сидя под деревом и прислонившись спиной к стволу, Гу Цзюэ надолго закрыл глаза. Когда же он наконец открыл их, то медленно вытащил из-за пазухи те самые ножницы.

Распахнув ворот одежды, он увидел на коже темные следы — отметины от зубов, оставленные Сяо Юем. Сжав губы, Гу Цзюэ мысленно усмехнулся. Он не был мастером боевых искусств, но прекрасно знал, куда именно нужно вонзить лезвие, чтобы смерть наступила быстрее всего. Крепко зажав ножницы в руке, он приподнял ее, целясь прямо в область сердца. В этот миг ему показалось, что он думал обо всем на свете и в то же время ни о чем. Затем он с силой вонзил клинок!

Раздался звонкий удар.

Ножницы отлетели в сторону, выбитые брошенным камнем.

Ошеломленный Гу Цзюэ проследил взглядом за траекторией полета камня и заметил неподалеку искусственную горку. На вершине кто-то сидел. Неизвестно, как долго этот человек наблюдал за ним со стороны; с того ракурса, под которым смотрел Гу Цзюэ, незнакомец сидел прямо против солнца, из-за чего разглядеть его лицо не представлялось возможным.

Однако в следующее мгновение фигура легко спрыгнула с возвышения. Горка была высотой в два человеческих роста, но прыжок дался незнакомцу без малейших усилий. Приблизившись, Гу Цзюэ смог рассмотреть его получше. Первое, что бросилось в глаза, — роскошные одежды цвета синей парчи (покрой был столь необычен, что сразу и не скажешь, к какому ведомству принадлежит этот человек), а затем — лицо. Лицо незнакомца скрывала маска, полностью закрывавшая черты.

Инстинкт подсказал Гу Цзюэ, что происходящее не к добру. Он попытался подобрать ножницы, едва успев зажать их пальцами.

В этот момент незнакомец присел на корточки и, разглядывая его, произнес:

— Я тебя помню. Ты тот самый фаворит Его Величества.

Его взгляд скользнул по распахнутому вороту одежды Гу Цзюэ и остановился на следах от зубов на груди. В глазах из-под маски блеснул зловещий огонек.

005 У тебя под родинкой такая красивая родинка

— Вроде бы родинка у тебя под ухом, а смотрится до чего прелестно.

Незнакомец изучал его взглядом, и на его губах играла легкая улыбка:

— Помню, когда ты только попал во дворец, вокруг ходили невероятные слухи. Говорили, будто благородный господин Гу, лишь единожды взглянув на императора, потерял голову от любви и с тех пор готов безмолвно служить его ложу. О том, что Ваше Величество любит Гу Ляньюэ, ведали многие, но ты, обладая лицом, столь схожим с лицом твоей собственной сестры, все равно добровольно лег под императора... Такая глубокая преданность — и которую Ваше Величество растоптал и выбросил. Какая жалость, поистине какая жалость.

Гу Цзюэ никогда прежде не встречался с этим человеком, но едва те слова сорвались с его губ, они вонзились в сердце острее ножа. Лицо юноши застыло, словно покрытое коркой льда, и он направил кончик ножниц на незваного гостя, давая понять, что церемониться с ним не станет, вздумай тот сделать хоть движение:

— Не твое дело.

— Я преспокойно отдыхал здесь, наслаждаясь покоем, пока ты не вздумал покончить с собой прямо у меня под боком, испортив мне настроение. С чего бы это не мое дело? — Его взгляд снова прошелся по лицу Гу Цзюэ.

Последние слова прозвучали тихо и вкрадчиво, подобно чарам демона, ведущего к гибели. По спине Гу Цзюэ пробежал неприятный холодок, но собеседник, договорив, внезапно протянул к нему руку, и Гу Цзюэ тут же взмахнул ножницами.

Когда-то Гу Цзюэ обучался боевым искусствам, но сейчас его тело было истощено, и этот слабый выпад не нес в себе никакой угрозы. Более того, в следующее мгновение незнакомец легко перехватил его запястье пальцами!

Сердце Гу Цзюэ пропустило удар:

— Отпусти!

— Ого, да ты еще и злиться умеешь! Выходит, этот твой норовий нрав еще не до конца сломали. Раз в тебе по-прежнему столько огня, почему бы тебе не попытать счастья со мной?

Незнакомец словно не замечал гнева во взгляде юноши. Он крепко держал запястье Гу Цзюэ, а его взгляд, казалось, проникал в самую душу:

— Насколько я вижу, ты специально притащился к этому османтусу, чтобы свести счеты с жизнью. Наверняка из-за тоски по дому, верно? Дай-ка угадаю: ты хочешь вернуться к семье, но Ваше Величество не отпускает тебя и к тому же надругался над тобой. Вот ты и отчаялся настолько, что решился на подобное. Я прав?

Гу Цзюэ похолодел. Он не произнес ни слова, но незнакомец угадал если не всё, то по меньшей мере процентов восемьдесят. Проницательность этого человека пугала до жути.

— Так что, благородный господин Гу, если бы нашелся способ вытащить тебя из дворца, жить бы тебе захотелось?

Если бы нашелся способ вытащить тебя из дворца?

Губы Гу Цзюэ задрожали. Пальцы, до этого лишь слабо сжимавшие рукоять, разом побелели от напряжения.

Хочет ли он умереть? Разумеется, нет!

Если бы появился шанс выжить — он бы с радостью покинул дворец! Он хотел увидеть родных! Он не хотел умирать! В конце концов, он мужчина. Пусть даже его чувства к Сяо Юю оказались не более чем неразделенной глупой шуткой, до добровольного ухода из жизни дело все же не доходило. Но проблема была в том, что в нынешнем положении он не видел ни малейшей надежды!

Его и без того тяжелое состояние усугублялось тем, что чужак беззастенчиво ковырялся в его душевных ранах, но Гу Цзюэ, собравшись с силами, совершил резкий рывок и вырвал запястье из чужой хватки. Стиснув зубы, он злобно зыркнул на незнакомца:

— Не суй нос не в свои дела!

— Не в свои дела? — Незнакомец ничуть не рассердился на столь нелестную оценку. Гу Цзюэ даже показалось, что тот находит его слова забавными. Следующая фраза заставила глаза Гу

Цзюэ распахнуться от изумления.

Тот произнес:

— А что, если этот самый сующий нос не в свои дела человек действительно может помочь тебе выбраться из дворца?

В голове Гу Цзюэ отчетливо зазвенело, и он машинально перешел на шепот:

— Что ты сказал?

Незнакомец легко усмехнулся:

— Я сказал, что могу устроить тебе побег из дворца. Но у меня есть условие, благородный господин Гу. Хочешь выслушать?

Оказавшись в отчаянном положении, человек хватается за любую соломинку. Еще секунду назад он тонул в пучине безысходности, а теперь кто-то протягивал ему спасительный канат — как тут устоять? Гу Цзюэ поддался этому искушению.

Прикусив губу, он уставился на таинственного незнакомца:

— Какое условие?

— Ха. — Услышав согласие, собеседник тихонько рассмеялся.

Только что обвинял его в излишнем любопытстве, а теперь сразу пошел на уступки — неудивительно, что это вызвало усмешку. Гу Цзюэ, впрочем, уже не заботился о подобных мелочах гордости, хотя и чувствовал, что этот человек страсть как любит потешаться. Начиная с самого их знакомства, голос незнакомца неизменно звучал с издевкой, но теперь в нем слышались мягкие нотки:

— Кстати говоря, ты ведь до сих пор не знаешь моего имени.

Нахмурившись от такой манеры общения, Гу Цзюэ бросил:

— Называй свое условие прямо, к чему эти увиливания?

— Разве не ты только что умолял меня о помощи, м? Благородный господин Гу?

Нуждаясь в услуге, Гу Цзюэ оказался в проигрышном положении. Закусив губу, он выждал несколько мгновений, прежде чем выдавить:

— Осмелюсь спросить имя вашего благородия.

Тот испытующе посмотрел на него, и в голосе прорезалась непринужденная легкость:

— Мое имя — Сяо Чунь.

Фамилия Сяо?

Судя по покрою одежды, Гу Цзюэ не мог с уверенностью сказать, является ли этот человек ванном, но он знал, что в Тяньци был лишь один ван — Князь Чжэньбэй, с детства страдавший недугом ног, к тому же ему перевалило за тридцать. Этот же молодой человек, судя по ловкости движений и стилю одежды, никак не походил на человека за тридцать. Неужели кто-то из императорской родни?

— Пытаешься угадать мое происхождение? — равнодушно произнес Сяо Чунь. — Можешь не ломать голову, я сам тебе скажу.

Тут он пренебрежительно усмехнулся:

— Я наследный княжич Юнъань.

Гу Цзюэ понятия не имел, откуда в его тоне взялось столько презрения. Он не знал, чем именно тот пренебрегает, но, услышав титул, почувствовал себя чуть более уверенно, чем минуту назад. И дело было не только в том, что если этот молодой человек действительно наследный княжич Юнъань, то у него и впрямь имелись все возможности вывезти кого-то из дворца тайком от посторонних глаз. Пусть Гу Цзюэ и не ведал, с какой стати особа столь высокого происхождения разгуливает в маске и прячется по углам, ему доводилось слышать, что родная мать наследного княжича Юнъань доводилась родной сестрой самой вдовствующей императрице, и в девичестве они были очень близки. Позже, когда родители наследного княжича погибли, оставив сиротой лишь этого единственного ребенка, вдовствующая императрица окружила племянника исключительной заботой и часто призывала во дворец.

Прежде все мысли Гу Цзюэ крутились исключительно вокруг Сяо Юя, так что до слухов о любимце императрицы ему не было никакого дела. Кто бы мог подумать, что теперь его надежда связана с человеком, с которым у него раньше не было ни малейших точек соприкосновения. Глубоко вздохнув, он спросил:

— Так что за условие у княжича?

— Зови меня по имени.

— ... — Гу Цзюэ не понимал, что это за причуды. — Сяо Чунь, называй условие.

Услышав свое имя, Сяо Чунь прищурился и внезапно подался ближе.

Гу Цзюэ почувствовал, что тот сократил дистанцию слишком сильно, и инстинктивно отпрянул назад. Но от этого движения свежая рана в паху резко заныла. Он невольно поморщился, ноги ослабли, и в тот же миг чья-то рука обхватила его за талию. Поскольку они и так стояли близко, от этого рывка Гу Цзюэ прямиком рухнул в чужие объятия.

Картина выдалась на удивление живописной: под сенью цветущего османтуса двое столкнулись лицом к лицу. Гу Цзюэ уловил носом аромат, исходивший от Сяо Чуня — легкий, ненавязчивый, напоминающий благовония из буддийского храма.

Уже три года он не подпускал к себе никого, кроме Сяо Юя. Инстинктивно подняв руки, он попытался оттолкнуть незнакомца, но рука, обнимавшая за талию, не разжалась. Испугавшись, Гу Цзюэ воскликнул:

— Что ты делаешь?

Взгляд Сяо Чуня скользнул к его шее:

— У тебя под ухом крошечная родинка. До чего же хороша.

006 Белый нефритовый юноша из клана Гу бьет без промаха из лука

У Гу Цзюэ по телу побежали мурашки! Он толкнул его с удвоенной силой. Дыхание сбилось, грудь сдавило, и его вновь сотряс приступ кашля. Зажав рот ладонью, он резко согнулся пополам, стараясь отвернуться от Сяо Чуня, чтобы не заразить того, и одновременно пытаясь оттолкнуть, чтобы избавиться от объятий. Но кашель был слишком рваным, слова застревали в горле, связать и двух не удавалось.

Сяо Чунь позволил ему откашливаться прямо у него на груди и даже похлопывал по спине, помогая восстановить дыхание. От этих прикосновений по коже Гу Цзюэ вновь побежали мурашки. Только что ведь нормально разговаривали, с чего вдруг все приняло такой оборот?!

Сяо Чунь не стал расспрашивать, почему тот кашляет так долго. Лишь когда кашель наконец утих и Гу Цзюэ судорожно выдохнул, еще не успев толком прийти в себя, тот снова подал голос:

— Я тут подумал насчет условия... Благородный господин Гу, твоя внешность и твое тело пришли мне по вкусу. Если я затребую твое тело в обмен на побег из дворца, ты согласен?

— Что ты сказал? — Гу Цзюэ едва не оглох от собственных мыслей. Пораженный, он вскинул голову и встретился взглядом с темными глазами, скрытыми за маской. Он не мог понять, шутит ли тот всерьез, точно так же, как не видел выражения лица под маской. Еще миг назад он перебирал в голове возможные варианты, пытаясь угадать условия, но когда услышал их воочию, испытал одновременно изумление и горькое осознание: а ведь верно, кроме этого тленного тела, что у него вообще осталось?

Он был родом из Синин, а находился в Тяньци. У него не было ни связей, ни влияния, и даже для сделки с этим человеком у него не имелось никакой иной валюты, кроме собственного тела.

И он должен расплатиться им?

Гу Цзюэ покачал головой, и его голос прозвучал легко, словно порыв ветра, готовый унести его прочь:

— Я не согласен. Прошу княжича отпустить меня.

Но Сяо Чунь и не думал разжимать рук:

— Ты даже о смерти думаешь, а я прошу всего лишь твое тело — и отказываешься? — В его голосе прозвучали более низкие, бархатные нотки: — Благородный господин Гу, пытаться сохранить девственность после того, как уже продалась — дурная привычка.

Сердце Гу Цзюэ болезненно сжалось. Слово продалась больно полоснуло по больному, уничтожая остатки его достоинства. Лицо юноши заледенело, а голос сделался сухим и бесстрастным:

— Вы правы, я не чист и не невинен. Я бесчисленное число раз делил ложе с императором, мое тело опорочено. Но я еще не опустил до того, чтобы ложиться под каждого встречного мужчину.

Выдохнув, Гу Цзюэ постарался говорить как можно спокойнее:

— Мне осталось жить от силы полгода. Даже выбравшись из дворца, я не хочу, чтобы близкие узнали о моей неизлечимой болезни и терзались горечью. Я не собираюсь воссоединиться с ними — в конце концов, это лишь тешит мое самолюбие, попытка вырваться из клетки, где заточены мои чувства. Я не желаю, чтобы перед самой смертью меня вновь принуждали к тому, к чему у меня не лежит душа.